

Государство и общество

Китайская иммиграция в контексте национальной безопасности России: тенденции и перспективы

© 2012

А. Понамарева, С. Понамарев

Авторы анализируют структуру миграционного потока из Китая в РФ, цели иммигрантов и отношение к ним властей на исторической родине, особенности национального характера приезжих. Отмечается, что расхождения в статистических данных о китайском присутствии на территории РФ отчасти могут быть преодолены в результате исследования китайской иммиграции как компонента демографической и экономической политики КНР.

Ключевые слова: национальная безопасность России, иммиграционная политика, этническая принадлежность, трудовые мигранты, нелегальные мигранты, демографические тенденции.

В рамках существующих концепций государственной безопасности процессы миграции традиционно ассоциируются с потенциальными угрозами, которыми они могут быть чреваты. Это нашло свое отражение и в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.», где неконтролируемая и незаконная миграция отнесена к разряду угроз, сопоставимых с транснациональной организованной преступностью¹. Сегодня одним из главных предметов серьезной государственной озабоченности является тема неконтролируемой иммиграции из КНР в РФ. В последние годы «проблема китайской иммиграционной экспансии» периодически становится предметом обсуждения российских СМИ.

Полемика относительно опасности китайского присутствия в России сопровождается активным использованием статистических данных. Среди них «абсолютный рекорд» в определении количества китайцев в России — 8 млн чел. — установил почетный доктор Дипломатической академии мира при ЮНЕСКО Е.В. Гильбо, предсказавший, что при стабилизации режима миграции после 2010 г. и с учетом естественного прироста в китайской общине «число китайцев превысит число русских (в России) примерно к 2025 г.». Однако источник и методика подсчета, на основании которых автор пришел к

Понамарева Анастасия Михайловна, преподаватель Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: lagutaa@mail.ru.

Понамарев Сергей Владимирович, сотрудник МИД РФ. E-mail: svponam@gmail.com.

* Авторы выражают благодарность М.Л. Лагуте и С.А. Татунц за помощь, оказанную в работе над статьей.

выводу о том, что «русским следует всерьез принимать перспективу жить в положении национального меньшинства в китайском государстве»², так и не были им раскрыты.

В экспертном сообществе оценки количества мигрантов из КНР в РФ за редким исключением колеблются в диапазоне 200–400 тыс. чел.³ Одним из первых эти данные указал В.Г. Гельбрас⁴. Оценку численности китайцев в 150–200 тыс. чел. привел в 2004 г. помощник Президента РФ С.Э. Приходько⁵. Автор одного из наиболее глубоких исследований по данной теме А.Г. Ларин в своей монографии «Китайские мигранты в России. История и современность» признает правомерность количественных выводов В.Г. Гельбраса, поскольку «достоинство этой оценки состоит в том, что она выведена в результате анализа как сумма оценок количества китайцев в различных городах и регионах страны»⁶. Указанная совокупность, по мнению А.Г. Ларина, включает в себя и нелегальных мигрантов из КНР⁷. Отметим, что детально проанализировав историю и современное состояние китайской иммиграции в России, автор не ставил задачу дать политологическую оценку проблемы в контексте обеспечения национальной безопасности РФ.

Существующий значительный разброс в оценках китайского присутствия в России и сложности с получением по-настоящему достоверной информации эксперты склонны объяснять наличием пробелов в правовом регулировании пребывания иностранцев на нашей территории и особенностями практической реализации визовой политики. В частности, по мнению Г. Витковской⁸, неправомерные и зачастую репрессивные формы контроля за регистрацией по месту пребывания, способствуют выталкиванию законопослушных иммигрантов в теневую, не поддающуюся учету сферу занятости. Одним из побочных последствий сокращения квот на привлечение иностранной рабочей силы в контексте экономического кризиса 2008–2010 гг. стало увеличение потока нелегальных иммигрантов за счет тех, кто изначально нацеливался на заключение официальных контрактов, но не «вписался» в квоты.

Все это в совокупности затрудняет оценку влияния китайской иммиграции на состояние национальной безопасности РФ. И если по ряду причин рассчитывать на получение достоверной информации об истинном количестве китайцев в России затруднительно, то наиболее эффективным представляется обращение к изучению иммиграции из Китая в контексте демографической и экономической политики КНР⁹.

Понимание структуры миграционного потока из Китая в Россию, целей иммигрантов и отношения к ним властей на исторической родине, особенностей национального характера приезжих даже при отсутствии точных данных об их количестве позволяет выявить основные тенденции развития указанного процесса и оценить его выгоды и угрозы для России. Иммиграция может стать решением проблемы нехватки рабочих рук и демографического кризиса в РФ лишь в том случае, если большую часть приезжих составят люди, настроенные на профессиональную и социокультурную интеграцию в ее среде, а не на формирование замкнутых и обособленных сообществ, ориентированных на выкачивание средств и ресурсов принимающей стороны. Таким образом, с точки зрения интересов национальной безопасности России ответ на вопрос *кто и зачем?* значит не меньше, чем ответ на вопрос *сколько?*

В структуре *легальной* китайской иммиграции в РФ возможно выделить три основные категории граждан КНР, покидающих страну на длительный срок. Первую группу составляют выезжающие за рубеж на учебу или стажировку; вторую образуют временные трудовые иммигранты, осуществляющие переезд на основе официальных контрактов, и третья категория представлена китайцами, переезжающими в Россию на постоянное место жительства.

Существенный вклад в формирование мифа о «желтой угрозе» вносит увеличивающийся поток китайских туристов, которые не могут быть отнесены к категории иммигрантов. Однако обыденное сознание игнорирует подобные терминологические тонкости, к тому же значительный процент китайцев, приезжающих в РФ по туристическим

визам или в рамках безвизового обмена на приграничных территориях, использует эту возможность для осуществления коммерческих операций¹⁰.

В настоящее время в России обучается около 20 тыс. китайских студентов, подавляющее большинство — за свой счет. Свыше 500 молодых людей из Китая ежегодно принимаются в российские вузы за счет федерального бюджета для изучения русского языка, подготовки по специальностям экономического, технического и медицинского профилей¹¹. При этом, в отличие от начала 1990-х гг., когда студенческая виза служила многим китайцам прикрытием для занятий «челночной торговлей», современные китайские студенты и аспиранты действительно нацелены на получение высшего образования или ученой степени. Большинство своевременно возвращается в Китай по завершении учебы.

Помимо конъюнктурных соображений различных ведомств и экспертов, расхождения в оценках численности трудовых мигрантов из КНР в РФ также определяются точностью методик миграционного учета.

В общей структуре китайской иммиграции наибольший процент приходится на долю трудовых иммигрантов. Как отмечает заместитель директора Института Дальнего Востока РАН В.Я. Портяков со ссылкой на данные Федеральной миграционной службы Министерства внутренних дел РФ, за период 2001–2004 гг. количество китайцев, привлеченных к оказанию трудовых услуг в России, возросло в 3,6 раза. Если в 2000 г. по линии оказания трудовых услуг в России работали 26222 гражданина КНР, то в 2004 г. было зарегистрировано уже 94064 китайца, прибывших в РФ с целью устройства на работу¹². Большинство российских экспертов сходятся во мнении, что тенденция к увеличению контингента китайских рабочих в России сохранилась. Согласно данным китайских СМИ, российскую границу ежегодно пересекают от 2,5 млн до 5 млн китайцев, permanently на территории РФ находятся около 500 тыс. китайцев, из них постоянно проживают 200 тыс. чел.¹³

Общепризнанно, что наиболее крупные контингенты трудовых мигрантов из КНР сосредоточены в южной части российского Дальнего Востока, Забайкалье, Прибайкалье, Восточной и Центральной Сибири, а также в Санкт-Петербурге и Москве.

Сегодня основной сферой занятости и источником доходов китайцев по-прежнему остается торговый бизнес. Китайское землячество обладает развитой инфраструктурой, включающей собственные СМИ, медицинские центры, увеселительные заведения (в том числе закрытые, исключительно для китайцев). В рамках землячества действует налаженная система организации приезда китайских мигрантов в Россию. Существуют фирмы, оперативно, но не всегда легально обеспечивающие иммигрантов необходимыми приглашениями, визовой поддержкой на любой срок, регистрацией в миграционных структурах, органах внутренних дел и т.п.

Как утверждала газета «Коммерсантъ», ссылаясь на данные Федеральной иммиграционной службы, только в Москве в 2009 г. проживало более 150 тыс. выходцев из Китая, включая въехавших в РФ нелегально¹⁴. Однако при этом члены китайской общины, даже стремящиеся объединиться и осесть в определенном районе столицы, такой возможности не имеют. Разрозненные небольшие анклав компактного проживания китайцев можно обнаружить разве что в ее окраинных районах. Приезжих привлекают там более низкие цены на жилье, значительное количество промышленных предприятий, а значит, подъездных путей, складов и, не в последнюю очередь, потенциальных покупателей их товара¹⁵. Таким образом, особенность Москвы заключается в дисперсном характере расселения китайских мигрантов по городу. И если проводить параллели с такими мегаполисами, как Нью-Йорк, где в одном китайском квартале компактно проживают от 70 до 150 тыс. чел.; Париж, Лондон или Сан-Франциско¹⁶, то следует признать, что говорить о появлении в Москве «чайна-тауна» в его классическом виде пока не приходится.

Известно, что на протяжении последних лет китайская община лоббировала вопрос о выделении ей определенной территории для организации собственного поселения. Однако положительное решение данного вопроса московскими властями было бы, как утверждает В.Г. Гельбрас «очень большой ошибкой, потому что в этом случае мы создадим условия для того, чтобы китайцы не были заинтересованы в том, чтобы власти в российское общество... условия для этнического, хозяйственного, политического, какого хотите, обособления этих людей»¹⁷.

Предоставление китайцам территории в Москве для формирования собственно компактного поселения станет дополнительным фактором обособления китайской диаспоры, изначально ориентированной на стратегию сегрегации в своем развитии. На современном этапе уже возможно говорить о наличии в Москве диверсифицированной и разветвленной инфраструктуры поддержки китайской диаспоры, которая в отличие от традиционных для столицы армянской, азербайджанской или грузинской диаспор стремится к сокрытию от широких слоев общества факта своего существования. Развитию связей внутри китайской диаспоры в России, а также поддержанию отношений эмигрировавших граждан КНР с родиной способствует интенсивное развитие «этнических» сетевых ресурсов на российских доменах. Среди подобных сайтов одним из крупнейших является www.baozhi.ru (Газета), на котором представители китаезычного сообщества активно обмениваются информацией об особенностях проживания, трудоустройства, заработной платы, налогообложения и миграционного законодательства в России¹⁸.

Уяснению перспектив развития китайской диаспоры в центральной части России способствует история ее становления на востоке нашей страны, где к настоящему времени она уже находится на качественно ином уровне. При этом главной особенностью дальневосточной китайской диаспоры также было стремление к ретушированию своей социальной, экономической и политической значимости в регионе до некоей «точки бифуркации», когда важнейшие сферы жизни Дальнего Востока оказались тесно связанными с китайским присутствием в бизнесе, инвестициях и производстве.

Предпосылками повышения миграционной активности китайцев в 90-е гг. XX в. стали перенаселенность Северо-Востока Китая в сочетании с усилением конкуренции на внутреннем рынке труда и возрастанием безработицы. Значительную роль сыграл кризис дальневосточной экономики, приведший к дефициту товаров первой необходимости.

Между соседними территориями КНР и СССР экономические связи были восстановлены после почти двадцатилетнего перерыва в 1983 г. Торговля велась преимущественно через бартер. С 1988 г. советско-китайская торговля приобрела характер децентрализованной и межрегиональной. В 1990-е гг. проявилась взаимосвязь между масштабами китайской миграции в Россию и динамикой приграничной торговли. После распада СССР и до конца 1990-х гг. «первую скрипку» в приграничной торговле играл «челночный» бизнес, восполнивший российский дефицит товаров первой необходимости. Вывозимые из Китая и сбываемые на рынках дальневосточных городов товары, как правило, были плохого качества, но отличались дешевизной. Правила бартерной торговли легко осваивались китайскими гражданами. С подписанием в 1992 г. двустороннего соглашения о безвизовом режиме количество китайских «челноков» заметно возросло. И хотя к 1994 г. проблемы учета мигрантов вынудили местные власти вернуться к визовому порядку въезда китайских работников в страну, безвизовый туризм сохранил широкие возможности взаимных поездок. В последующие годы китайская «челночная» торговля упорядочилась: появилось разделение между поставщиками, транспортировщиками и торговцами на российских рынках¹⁹.

В созданные в рамках свободных экономических зон (СЭЗ) КНР зоны свободной (беспешинной) торговли вошла часть городов Северо-Востока и Северо-Запада страны на приграничье с Россией²⁰. Так, помимо мелких торговцев, занятых преимущественно перепродажей товаров первой необходимости, в ЗСТ стали возникать китайские компа-

нии, ориентированные на крупные оптовые поставки. Постепенно эти компании вытеснили своих российских партнеров с рынка и открыли собственные филиалы уже на российской стороне.

Насыщение дальневосточного потребительского рынка товарами производства КНР в начале 2000-х гг. и относительный рост доходов российского населения в совокупности с усилением контроля за трудовой иммиграцией в Россию²¹ также способствовали сокращению числа мелких китайских торговых предприятий в приграничье.

Нехватка рабочей силы в секторах, где требуется выполнение ручной трудоемкой работы, ставшая ощутимой на Дальнем Востоке еще в 80-е гг. XX в., также явилась одной из важнейших причин интенсивной китайской иммиграции на территорию РФ.

Помимо торговли товарами народного потребления, популярными «китайскими» нишами на рынке труда в России были и остаются строительство, сельскохозяйственное производство и отчасти ресторанный бизнес.

Компании из КНР принимали участие в реализации крупных строительных проектов в Москве и Петербурге²². Многие дальневосточные строительные организации со 100-процентным российским капиталом предпочитают приглашать рабочих из КНР. Например, активно использует китайцев на своих стройках хабаровское предприятие «Дальспецстрой», которому принадлежит около 50% рынка жилищного строительства в Хабаровском крае. Китайский труд обходится дешевле, а квалификация китайских рабочих в последнее время заметно возросла. Кроме того, россияне неохотно идут работать на стройки²³.

Новый приток строителей из Китая ожидается в связи с приближающейся Олимпиадой в Сочи, где для возведения олимпийских объектов требуется до 200 тыс. чел. Велика вероятность того, что строительство олимпийских объектов в Сочи будет вестись преимущественно руками иностранных трудовых мигрантов.

Главное преимущество китайских компаний перед отечественными строителями состоит в низкой (на 30–40% дешевле) стоимости услуг. Китайские строительные компании, работающие за рубежом, получают серьезную поддержку своего правительства. Им предоставляются льготные кредиты и налоговые льготы, что способствует общему снижению затрат. Также компании из КНР экономят за счет собственной дешевой рабочей силы.

Что касается участия китайских крестьян в сельскохозяйственном производстве на территории России, в настоящее время только на Дальнем Востоке они обрабатывают более 6 тыс. га земли под тепличное хозяйство. Администрация провинции Хэйлунцзян выражала готовность направить в ближайшие годы до 10 тыс. растениеводов и животноводов в Приморский и Хабаровский края, Еврейский автономный округ, Амурскую, Сахалинскую области для комплексного развития там сельского хозяйства. По мере обезлюдивания деревень районы потенциального притяжения крестьян из КНР возникают и в нечерноземных областях России²⁴. В ряде регионов РФ урожай, полученный трудом китайцев, уже вполне сопоставим с объемами производства местных сельхозпредприятий, а демпинговые цены на их продукцию способствуют вытеснению российских производителей с рынка.

Последние высказывают сомнения в том, что заметные успехи китайцев в аграрном секторе объясняются исключительно их прилежанием и трудолюбием. В этой связи показательна развернутая в 2007 г. в Челябинской области кампания по борьбе с мигрантами из Китая, которым вменялось в вину бесконтрольное выращивание овощей, строительство теплиц и использование местных водоемов для собственных нужд. При этом экономия в обход закона на разрешительных документах, налоговых и прочих обязательных платежах позволяла китайцам торговать по ценам на 40% ниже рыночных, что задевало интересы российских сельхозпроизводителей. Проверки выявили случаи использования китайскими предпринимателями семян сомнительного качества и бесконтрольного

употребления ядохимикатов, запрещенных к применению у нас в стране, а также ряд нарушений законодательства в сфере охраны природы и здоровья человека. Помимо этого было отмечено, что «овощеводы» из КНР «захламляют» земельные участки сельскохозяйственного назначения отходами, превращая наделы в непригодные для использования по их целевому назначению и выводя их тем самым из сельскохозяйственного оборота²⁵. Инициированная властями борьба с «недобросовестной» китайской конкуренцией широко освещалась в СМИ и активно обсуждалась в Интернете. В общем потоке антикитайских настроений процент людей, воспринимавших кампании властей «в поддержку национального производителя», как способ реализации их узкокорыстных интересов, а не ответ на «чаяния национального потребителя», был достаточно велик. Видимо, отчасти и поэтому борьба с незаконным китайским овощеводством на российской земле, как правило, сводится к устранению только низших звеньев, но не всей цепочки.

Китайцы приглашаются на работу в Россию по договорам, заключаемым между субъектами РФ и правительствами городов северо-восточного Китая. Администрации краев и областей ежегодно фиксируют количество рабочих, необходимых для восполнения нехватки рабочей силы в данном субъекте федерации. Тенденцией второй половины 1990-х гг. стало формирование в отдельных регионах постоянного контингента китайских трудовых мигрантов.

Исследования фиксируют определенные различия в уровне образования приезжих китайцев, занятых в различных отраслях производства: 75% занятых в торговле имеют законченное среднее образование, 5% из них — высшее. Работающие в сельском хозяйстве, строительстве и общественном питании, относятся преимущественно к низшим социальным слоям из уездных городов КНР. Уровень неграмотности среди них может достигать 30–35%. Причем, в России они с готовностью нанимаются на работу, которую им не приходилось выполнять на родине²⁶.

Наибольшие споры вызывает вопрос о численности находящихся в России нелегальных китайских иммигрантов. В настоящее время большая часть каналов возможного нелегального проникновения граждан Китая на территорию РФ контролируется российскими погранслужбами, а с введением миграционных карт для иностранцев и возможности для них «задержаться» в России после истечения срока действия визы резко сократились²⁷.

Главная особенность современной китайской иммиграции заключается в том, что она осуществляется под постоянным, хотя не всегда явным, патронажем государства. Для КНР расширение экспорта трудовых ресурсов служит не только источником пополнения государственного бюджета или средством сокращения безработицы внутри страны, но является важной составляющей стратегии выхода национального бизнеса вовне, выдвинутой в 2000 г. тогдашним лидером страны Цзян Цзэминем. Содержание этой внешнеэкономической стратегии определяется политикой экспорта капитала, нацеленного на освоение природных и технологических ресурсов зарубежных стран, расширение товарного экспорта и завоевание новых рынков сбыта²⁸. Поощрение и поддержка транснационализации деловой активности китайских предприятий является на сегодняшний день одной из наиболее приоритетных сфер государственной политики КНР. Характерно, что из числа китайских компаний, активно осуществляющих зарубежную инвестиционную деятельность, лишь 10% приходится на долю частных. На основании вышеизложенного отдельные эксперты приходят к выводу о реализации широкомасштабной международной экспансии не столько отдельных китайских компаний, сколько (государственного сектора) экономики КНР в целом²⁹. КНР выступает за создание зон свободной торговли различной конфигурации со своим участием, которые предусматривали бы принцип свободного перемещения рабочей силы. В Китае исходят из того, что нынешняя доля страны в мировом рынке трудовых услуг (порядка 1%) не соответствует ее потенциальным возможностям и демографическому весу, и намерены прилагать последова-

тельные усилия по укреплению конкурентоспособности в данном сегменте мирового рынка. Этому, в частности, призвана способствовать введенная в 2002 г. упрощенная процедура выдачи загранпаспортов гражданам КНР и их выезда из страны.

Позиция Пекина по вопросу формирования эмиграционной политики страны поддерживается основными СМИ Китая. Тема эмиграции китайских граждан в Россию подается официальными СМИ в позитивном ракурсе развития взаимовыгодного экономического сотрудничества, наращивания социально-культурных связей между странами. Зачастую пропагандируется образ успешного китайского эмигранта в России, указывается на широкие возможности трудоустройства, получения высокой заработной платы, доброжелательное отношение принимающего населения. Например, оценивая уровень толерантности российского общества, агентство Синьхуа приводит следующую статистику: «Из 100 опрошенных китайцев, проживающих в России, 47 заявили, что здесь совершенно безопасно»³⁰. Такой подход в корне отличается от освещения данного вопроса в российских СМИ. Осторожный оптимизм официальной прессы КНР не разделяют также китайские авторы частных блогов, акцентирующие внимание в основном на препятствиях и трудностях, с которыми сталкиваются граждане Поднебесной, приезжающие на заработки и постоянное жительство в Россию³¹. При этом главной проблемой блоггеры видят ксенофобию россиян по отношению к китайцам³².

На территории КНР официально действуют несколько тысяч компаний, организуемых трудовую эмиграцию за границу. Выходцы из Китая работают приблизительно в 180 странах, преимущественно в Азии, лишь незначительный процент уезжает в Европу. Одновременно власти КНР активно противодействуют нелегальной эмиграции и предпринимают значительные усилия по пресечению деятельности так называемых «змеиных голов» — главарей подпольных сетей по переправке китайских граждан за рубеж.

С момента прихода к власти Ху Цзиньтао руководство КНР провозгласило стержнем своей внутренней и внешней политики принцип «человек — основа всего», что также нашло отражение в ужесточении позиции китайской дипломатии в области защиты интересов своих граждан за рубежом. В частности, 4 ноября 2004 г. в Пекине была создана «Объединенная конференция по безопасности находящихся за границей граждан и организаций КНР» в составе представителей ряда министерств и ведомств Госсовета Китая. Защита законных прав и интересов находящихся за рубежом граждан КНР была провозглашена одной из главных функций действующих за границей консульских учреждений Китая. При этом особое значение придается работе с лицами, выезжающими по линии экспорта Китаем трудовых услуг³³.

Крайне значимым для понимания специфики китайской иммиграции является фактор *хуацяо*. К *хуацяо* относятся как граждане КНР, временно проживающие за границей, так и потомки китайских эмигрантов более ранних волн, являющиеся гражданами стран, в которых они проживают. В традиционном китайском сознании гражданство не имеет решающего значения, гораздо важнее происхождение. Поэтому традиция не отвергает *хуацяо*, а возвращение китайца на родину, пусть даже через несколько поколений, воспринимается как счастливое воссоединение с семьей. Среднестатистический китайский иммигрант подсознательно отождествляет себя с родиной и поддерживает с ней тесную связь. Этим и объясняется психологический феномен «чайна-тауна»: там, где есть китаец, есть и Китай. Эта особенность активно используется правительством КНР и учитывается при формулировании долгосрочной государственной стратегии. В ее задачи входит: создание китайских диаспор там, где они раньше отсутствовали (например, в постсоциалистических России, Венгрии, Румынии и т.д.); расширение уже сложившихся диаспор (только в 1990-х гг. китайские диаспоры в ведущих странах Западной Европы увеличились в полтора раза); усиление собственного политического влияния, в частности, путем формирования прокитайских лобби (особенно сильных в странах ЮВА, а также в США); проникновение представителей диаспор в государственный аппарат,

средства массовой информации, получение доступа к новейшим научно-техническим разработкам и технологиям³⁴.

Одновременно основными чертами эмиграционной политики КНР являются содействие укреплению своих позиций на мировом рынке трудовых услуг, борьба с нелегальной эмиграцией, активная защита прав китайских граждан за рубежом, поощрение осевших за границей ученых к возвращению на родину.

Существенное влияние на уровень эмиграции из Китая оказывает демографическая ситуация в стране и деятельность государственных органов в области регулирования процессов воспроизводства населения. По мнению китайских демографов, к ограничению рождаемости следовало приступить непосредственно после победы революции в 1949 г. Однако Мао Цзэдун выступил решительным противником подобной «пораженческой» политики. Утверждая, что с каждым новым «ртом» к рабочей силе страны добавляются две «руки», Мао даже предлагал по советскому примеру учредить в Китае почетное звание «Мать-героиня». В результате проводимого им курса «многочисленное население — большая сила» с 1949 по 1960 гг. прирост населения в КНР составил около 40%. На период с 1966 по 1976 гг. приходится самый мощный в истории Китая демографический взрыв, когда на протяжении десяти лет население страны ежегодно увеличивалось в среднем на 19–20 млн чел.³⁵ Подобные темпы роста населения наряду с увеличением средней продолжительности жизни способствовали накоплению огромного трудового и военно-мобилизационного потенциала в КНР. Во многом благодаря этому стал возможен «большой рывок» бедной, отсталой страны до уровня регионального лидера — одного из потенциальных будущих полюсов формирующегося многополярного мира.

Однако в условиях недостаточно развитой экономики осуществлявшаяся под руководством Мао Цзэдуна демографическая политика стала причиной обострения многих социальных проблем. После смерти Мао Цзэдуна Пекин пошел на выработку долговременной политики регулирования размеров семьи и ограничения рождаемости. На современном этапе цель национальной демографической политики заключается в удержании численности населения страны в пределах 1,6 млрд чел., т.е. такого количества людей, проживание которых, по мнению китайских ученых, еще способен обеспечить ресурсный потенциал территории Китая. Власти ориентируются на достижение указанного предельного рубежа к 2050 г., когда жесткие меры контроля над рождаемостью позволят добиться нулевого или даже отрицательного прироста населения.

В контексте проводимой государством демографической политики острый характер принимает традиционная для Китая проблема дисбаланса полов, которая также оказывает существенное влияние на эмиграционную ситуацию в стране. По некоторым оценкам, к 2020 г. число потенциальных женихов в Китае будет на 30 млн превышать численность потенциальных невест. Согласно традиционным верованиям, лишь наличие потомства по мужской линии может принести успокоение душам умерших. Соответственно, в роли того самого «единственного» ребенка рядовые китайцы предпочитают видеть мальчика. И многие, вопреки официальным запретам, идут на прерывание беременности, узнав, что ожидается девочка³⁶.

Таким образом, сложившаяся ситуация и осуществляемая властями политика в области демографии входят в число важнейших побудительных мотивов массовой внутренней и внешней миграции мужского населения Китая. При этом очевидно, что при нехватке внутренних возможностей для снятия социального напряжения и демографического давления власти КНР будут вынуждены поощрять трудовую эмиграцию, служащую важным источником пополнения бюджета страны. С учетом вышеизложенного можно прогнозировать нарастание миграционных потоков за пределы Китая.

Россия и ее дальневосточные территории расположены на пути этих потоков. В первой четверти XXI в. в пограничных с КНР российских регионах возможно усиление

тенденции замещения автохтонного населения иммигрантами из соседних стран, прежде всего, из Китая.

Переливу населения с территории китайского Северо-Востока через российскую границу будет по-прежнему благоприятствовать значительная разница демографических потенциалов. Уже сегодня в примыкающих к ДФО трех провинциях КНР — Хэйлунцзяне, Цилине, Ляонине — плотность населения, превысившего 104 млн чел., составляет 130 чел. на 1 кв. км. В четырех пограничных субъектах Российской Федерации — Еврейской автономной области, Амурской области, Приморском и Хабаровском краях — она едва достигает 4 чел. на 1 кв. км, т.е. в 30 раз меньше³⁷.

Активно муссируемые прозападными СМИ сообщения о лавинообразном росте числа китайцев, оседающих на российских территориях, опровергаются социологическими исследованиями. По мнению авторов, между осознанием китайской миграции в РФ как вызова безопасности и интерпретацией ее как «желтой угрозы» имеется существенное различие³⁸. В настоящее время китайская миграция в РФ является именно «вызовом», т.е. в случае принятия Россией комплекса адекватных регулирующих административно-политических мер китайские трудовые мигранты могут эффективно использоваться для решения многих социально-экономических задач. В противном случае — возникнет эффект «упущенной выгоды», или более того — вызов в перспективе превратится в угрозу³⁹.

Эффективное решение проблемы китайской иммиграции возможно в увязке со стратегией развития российско-китайских социально-экономических связей и определяется характером взаимовыгодного партнерства с государственными, административными и экономическими структурами КНР.

В частности, целесообразно использовать тему противодействия нелегальной миграции и регулирования потоков трудовых мигрантов в качестве одной из основ взаимодействия России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества, поскольку стремление обеих стран устранить из своих экономических взаимоотношений влияние «теневого» сектора, в том числе фактора нелегальной миграции, представляется обоюдным.

Снижению уровня потенциальных угроз от китайской иммиграции должен способствовать контроль российских силовых ведомств над организованными неформальными структурами китайских землячеств. Усиливая контроль над миграцией из Китая российским властям следует руководствоваться принципом соответствия численности привлекаемой из-за границы рабочей силы потребностям социально-экономического развития страны. Помимо привлечения к ответственности нарушителей миграционного законодательства, соответствующие меры следует применять и по отношению к работодателям, принимающим на работу нелегалов.

Важно инициировать диалог между местными властями и руководством китайских землячеств, наделив последние ответственностью, подразумевающей не только права, но и обязанности. Необходимо следить за строгим соблюдением китайскими юридическими и физическими лицами трудового, налогового, природоохранного и других аспектов российского законодательства. Формированию замкнутых территориальных анклавов с китайским большинством необходимо противопоставить экономические методы рассеивания потенциальных скоплений мигрантов-китайцев.

Во избежание возможных рисков, связанных с дисбалансом населения в приграничных с КНР районах России, следует активно стимулировать приток россиян в дальневосточные регионы страны. Тем более, что задача формирования комфортной среды обитания на Дальнем Востоке и предотвращения оттока местного населения из региона была обозначена в качестве основной цели «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»⁴⁰. Хочется надеяться, что положения «Стратегии» о развитии транспортной, энергетической, инфор-

мационно-коммуникационной и социальной инфраструктур в регионе будут наполняться реальным содержанием, поскольку именно от этого зависит, сохраним ли мы Дальний Восток российским или он попадет под влияние и контроль иных внешних сил.

1. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.
2. *Гильбо Е.* Перспективы китаизации России // Российская Федерация сегодня. 2004. № 13. С. 63.
3. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 149.
4. *Гельбрас В.Г.* Китайская реальность России. М., 2001. С. 40.
5. *Приходько С.Э.* Мы не должны бояться Китая // Известия. 2004. 21 марта.
6. *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 149.
7. Там же. С. 152.
8. *Витковская Г.* Угрожает ли безопасности России китайская миграция? // Брифинги Фонда Карнеги. 1999. Т. 1. Вып. 08.
9. См. например: *Ли Эрбин.* 21 шици цянъци Чжунго дуйвай чжаньлюэ сюаньцзэ [Выбор Китаем внешнеполитической стратегии в начале 21 века]. Пекин, 2004. 499 с.; *Лу Ган.* Цзюань цюйхуа чжундэ чжунго иньсу [Китайский фактор в процессах глобализации] // Хуаньцю шибао. 2006. 31 марта; *Ван Хайсюнь.* Чжунго фачжань суй яо дини гоцзя вэйчжи [Развитие Китая требует определить статус государства] // Хуаньцю шибао. 2006. 24 февр.
10. *Портяков В.Я.* Российский вектор в глобальной китайской миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 10–21.
11. А. Жуков высоко оценил развитие обменов между РФ и Китаем в области образования // Жэньмин жибао. 2009. 19 марта.
12. *Портяков В.Я.* Указ. соч.
13. Ю дошао чжунгожэнь цзай элосы? [Сколько есть китайцев в России?]. 07.07.2009. URL: <http://www.wenwen.soso.com/z/q140993577.htm>; Элосы лаобайсин жуцзы кань Чжунго [Российские обыватели таким образом смотрят на Китай] // Цзюньши [Военное дело] 2010. 9 июля. http://junshi.xilu.com/2010/0609/news_48_89450.html.
14. Дума о российско-китайских отношениях. Москва — Пекин: идут народы... // Коммерсантъ. 2009. 26 апр. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=77072>.
15. *Горбович К.* Китайцы в Москве // Gazeta.ru. 1999. 28 февр.
16. *Уколов Р.* Первопрестольный China-град // Независимая газета. 2006. 31 марта. URL: http://www.ng.ru/inquiry/2006-03-31/1_chinagrad.html.
17. Московские китайцы // Радио Свобода. 2002. 13 сент.
18. <http://www.baozhi.ru/thread-28244-1-1.html>.
19. *Загребнов Е.* Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис. 2007. № 1. С. 252–277.
20. *Тан Хайпин.* Свободные экономические зоны в экономике КНР: Дис.... канд. экон. наук: 08.00.14. М., 1998. 173 с.
21. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2006 г. № 681 "О порядке выдачи разрешительных документов для осуществления иностранными гражданами временной трудовой деятельности в Российской Федерации"
22. *Дружинин С.* «Бигуйюань» построит жилье на Урале // ChinaPRO. 2009. 19 сент.
23. *Караулова О.* Китайские девелоперы застраивают Россию // BFM.RU. 2009. 27 февр.
24. *Портяков В.* Указ.соч.
25. Надзорные органы Челябинской области обсудили законность работы китайских овощеводов. Сайт Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) по Челябинской области. URL: <http://www.rsn-chel.ru> 2009. 30 июня.
26. *Загребнов Е.* Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис. 2007. № 1. С. 252–277. Указанные данные были получены в результате социологических опросов, проведенных Загребновым Е. в Благовещенске, Владивостоке, Уссурийске и Забайкальске с июня 2005 года по январь 2006 г. Социологический опрос проводился на китайских рынках, в китайских компаниях и общежитиях, где проживают граждане КНР.
27. Там же.

28. *Кокшаров А.* Внутреннее развитие через глобальную экспансию // Эксперт. 2006. № 46. 11 дек.
29. *Данильченко А., Калинин Д., Ху Цзуньжун.* Внешнеэкономическая стратегия государства в условиях глобализации мировой экономики: опыт Китайской Народной Республики // Журн. международ. права и международ. отношений. 2008. № 4.
30. Чжунго шанжэнь цзай Элосы юаньдундэ шэнцзунь цзинюй [Жизненная участь китайского торговца на российском Дальнем Востоке]. Агентство «Синьхуа» 16.11.2004. URL: http://news.xinhuanet.com/overseas/2004-11/16/content_2223964.htm
31. Элосы жэнь яньчжундэ чжунгожэнь [Взгляд россиян на китайцев]. 22.02.2009. http://sanbaimen.blog.hexun.com/29687224_d.html.
32. Элосы ю дошао жэнь? Тамэнь хэ чжунгожэнь тунхунь ма? [Сколько людей в России? Вступают ли они в брак с китайцами?]. 04.11.2008. URL: <http://zhidao.baidu.com/questions/74388945.html>.
33. *Портяков В.* Указ. соч.
34. *Глазунов О.* Китайская разведка. М., 2008. С. 46–53.
35. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия. Китай и другие страны Азии. М., 2008.
36. Китаю угрожает серьезный дисбаланс полов — мальчиков рождается больше // News.ru. 2007. 25 августа.
37. *Портяков В.* Указ. соч.
38. В данном контексте авторы считают целесообразным использовать определения «вызова» и «угрозы» данные в коллективной монографии «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию». Под ред. В.В. Михеева. М., 2005. С. 7.: «Угроза — то, что без адекватных защитных мер может нанести ущерб устойчивому развитию, внутривнутриполитической стабильности и международным позициям. Вызов — во-первых, то, что может принести выгоду, укрепить международную роль, однако только в случае принятия адекватных мер адаптации, а без них — создать эффект упущенной выгоды; во-вторых, то, что без адекватных мер адаптации может в перспективе превратиться в угрозу».
39. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005. С. 7.
40. Официальный сайт Министерства регионального развития Российской Федерации. URL: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/